

Поющие в Крыжовнике

Аркадий Лаптев

Брат Афоня

Аркадий Лаптев

Поющие в Крыжовнике

«Автор»

2026

Лаптев А. П.

Поющие в Крыжовнике / А. П. Лаптев — «Автор», 2026 — (Брат Афоня)

Эта книга — лекарство. От уныния. От скуки. От ощущения, что всё идёт не так. От серости за окном и внутри. Откройте её — и вы услышите, как Афоня, сантехник-философ в леопардовом пальто, объясняет своему другу Федосу, что просроченная колбаса — это не яд, а пенициллин. Вы узнаете, как четверо бомжей захватили пляж, обратили людоедов в вегетарианство и построили дворец из того, о чём в приличном обществе не говорят. Вы увидите, как шаман Сугроб, глухой старик с биткоидами в голове, вызывает шторм и считает себя сыном Зевса. Вы познакомитесь с Яшкой — существом, чей лексикон состоит из одного слова, но этого слова достаточно, чтобы изменить мир. Вы будете смеяться. Громко. До слёз. До дрожи в коленях. До того самого хохота, от которого трескаются стёкла и разбегаются испуганные прохожие. Побочные эффекты: приступы хохота в общественных местах, желание обнять берёзу, непреодолимая тяга к просроченной колбасе и внезапная любовь к людям, которые поют в крыжовнике.

© Лаптев А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Аркадий Лаптев

Поющие в Крыжовнике

Глава

Книга вторая Поющие в Крыжовнике ПРОЛОГ

Энтузиасты утреннего перегара.

Давайте знакомиться. Вот они — люди, которым суждено изменить этот мир. Или хотя бы испортить его до неузнаваемости.

Афоня. Сантехник. Алкоголик. Не просто сантехник — философ. Он был из той породы людей, которые могут починить унитаз голыми руками, а потом прочитать лекцию о тщете бытия, используя в качестве метафоры сорванную прокладку. Одет в своё, в грязное. Это не стиль, это состояние души. Он нюхает просроченную колбасу как сомелье, угощает друзей тёплым пивом и верит, что ферментация — лучшее лекарство от всего. Когда нужно решить проблему — Афоня пускает в ход убеждение. Не женат. Почти.

Федос. Лучший друг Афоня. Алкоголик в пятом поколении с лицом интеллигента. Тощий. Носит болотный плащ. Вечно хочет в туалет, но денег нет. Именно он станет главным злодеем в жизни одной журналистки. Федос — человек импульса. Захотел — украл. Захотел в туалет — прокрался на цыпочках. Захотел, есть — съел просроченную колбасу. Последствия его не волнуют. А зря. Потому что последствия обычно пахнут.

Катя. Журналистка. Тридцать пять лет. Белые кроссовки. Была не замужем, но очень хотела. Теперь — лишилась карьеры и сошла с ума. Причина её безумия — Федос. Точнее, его падение из туалетной кабинки прямо в прямой эфир. Катин смех ломает стёкла, пугает негров и заставляет Федоса бежать босиком через лес. Она ищет Афоню — того самого сантехника, с которым познакомилась в клубе «Малиновый туман». Она не знает, что Афоня и Федос — друзья. Когда узнает — миру конец.

Сугроб. Старик. Нищий. Прибыл издалека. Из далёкой страны. Из Колумбии. Как он оказался в этом городе — загадка. Он глух. Он получил СМС от Афоня «2000 биткоинов» и поверил. С тех пор чувствует себя миллионером, временно стеснённым в средствах. Говорит мало, но когда говорит — всем страшно. Сугроб — хитёр и жаден. После того как банда разнесла квартиру, он схоронился у бабки с козой. Бабка его боится. Коза — уважает.

Яшка. Вид науке неизвестный. Возраст не определён. Лексикон — одно слово: «Якиш!». Этого достаточно. Яшка крадёт просрочку из мусорных баков, улыбается и излучает такую энергию, что рядом с ним всегда рой мух. С детства никогда не мылся. На голове круглый год шапка петушок. Одет просто в грязное воиочее старьё.

Хмурый. Русский богатырь. Только не в былинах, а в такси. Пытался работать. Первый клиент — дед с геморроем. Второй — женщина, которая избивала его сумкой, назвала узбеком и разодрала лицо. Хмурый принял решение: больше не работать. Только бухать.

Он продаёт всё и уходит в кругосветное путешествие пешком.

Вот они все. Шестеро человек, которые не должны были встретиться. Но встретились. А теперь — что было дальше.

Дальше была квартира. Элитная. Её хозяйка, Тамара, воровка со склада, улетела в Турцию, оставив ключи. Бригада Афоня должна была сделать ремонт. Вместо сантехники они

нашли бар. Коньяк «Реми Мартен» 1976 года. Чёрная икра. Страсбургский паишет. Они закатали такой пир, что квартира превратилась в щепки. В прямом смысле.

Потом встали на лыжи. Буквально. Потому что другого транспорта не было. И пошли в побег.

Сугроб схоронился у бабки с козой. Сидит в сарае, считает биткоины, которых нет, и ждёт весны. Бабка его подкармливает. Коза — охраняет.

Яшку Афоня навязал молодой семье из Мордовии. Убедил. Объяснил, что это редкий вид, почти ручной, почти говорящий. Семья поверила. Теперь у них живёт Яшка. Ест всё подряд, гадит везде и воняет. Говорит «Якиш!». Пугает соседей.

Афоня с Федосом ломанулись на поезде. У них нет билетов. У них нет плана. У них есть только просроченная колбаса, тёплое пиво и полная уверенность, что всё будет хорошо.

Катя их ищет. В основном Афоню. Она не знает, что главный злодей её жизни — Федос, человек в болотном плаще, который упал на неё из туалета, — и есть лучший друг её потенциального мужа. Но она узнает. Обязательно.

А пока — поезд стучит колёсами, вагон наполняется перегаром. Впереди — море, солнце и совсем немного фекалий. Но сначала, снится мне деревня Родина моя.

Глава первая

Сказ о том, как великий сон рухнул под тяжестью корыта, а наследство Фроси оказалось не тем, чем казалось.

Сон Афони заканчивался. Он стоял на вершине мира, в своём шикарном кабинете, с видом на весь город. Рядом стоял Федос — представительный, в смокинге, с часами Patek Philippe на запястье, и докладывал о квартальной прибыли. Галина Ивановна, одетая в вечернее платье, принесла ему коньяк 1976 года. Сугроб в золотом халате пересчитывал биткоины на новеньком ноутбуке. Яшка жевал сыр с фольгой, но теперь это был дорогой пармезан. Катя, которая наконец-то вылечила всех, от содомии теперь работала главным психиатром страны, улыбалась ему из-за стола.

— Афоня, — сказала она нежно (и, что самое страшное, тихо). — Ты гений. Мы все тобой гордимся.

— Я знаю, — ответил Афоня и затянулся сигаретой «Винстон», которую ему только что зажгли личные помощники.

И тут — реальность нанесла ответный удар.

БАМ!

Что-то с грохотом рухнуло в сених. Гулко, размашисто, с таким звуком, будто кто-то решил разобрать избу по бревну, но передумал на середине и просто всё бросил.

Афоня дёрнулся. Его веки задрожали. Коньяк превратился в остатки вчерашнего самогона, который стоял на тумбочке и теперь угрожающе покачивался. Кабинет исчез. Вместо него — бревенчатые стены, закопчённый потолок и запах, который не выветривался отсюда, наверное, со времён Ивана Грозного.

Он лежал на старой кровати. Металлической, с продавленной сеткой, которая когда-то была панцирной, а теперь напоминала рельеф местности после бомбёжки. Перина, набитая сеном, давно просела, и каждое движение отдавалось хрустом в позвоночнике.

СКРИП-СКРИП-СКРИП — жалобно застонала кровать, когда Афоня попытался пошевелиться.

В сених снова загремело. Кто-то, судя по звукам, решил повторить свой акробатический этюд, но на этот раз добавил в него дрова и старые тыквы.

БУМ-БУМ-БДЫЩ! — БАХ!

Афоня приоткрыл один глаз.

Прямо над ним висела лампа — простая, на проводе, с керосиновой лампой, которая, кажется, помнила ещё Ленина. Провод был скручен синей изоляцией — той самой, какой Федос

когда-то чинил очки. Изолента, кстати, была той же марки. Видимо, в этом мире ничего не менялось, кроме стоимости водки и состава просроченной колбасы.

Потолок был закопчённым, с тёмными следами от копоти, которая скапливалась годами. На стенах — старые газеты вместо обоев. «Правда» за 1985 год. «Известия» за 1987-й. И одна, самая почётная, — «Аргументы и факты».

И тут дверь в комнату распахнулась.

Нет, не распахнулась. Она влетела вместе с тем, кто в неё влетел. А точнее — с ДЯДЕЙ ЕГОРОМ, который, судя по всему, решил, что лучший способ войти — это сделать это кубарем, прихватив по пути всё, что плохо лежит, и то, что хорошо, но не прибито.

Дядя Егор был лет тридцати пяти, хотя на вид — все пятьдесят. Местный деревенский дурачок. Не буйный, но выпить любил. Очень любил. До такой степени, что его словарный запас, видимо, остался где-то на дне третьей бутылки и уже не собирался всплывать.

На нём была фуфайка — старая, ватная, с дыркой на локте, из которой торчала вата. Штаны — чёрные, когда-то парадные, а теперь просто грязные. На ногах кирзовые сапоги.

На голове у дяди Егора красовалась шапка. Не простая, а как у Ленина. Та самая, кепка с козырьком, которую вождь мирового пролетариата носил на субботниках. Теперь она украшала голову местного алкоголика, который только что исполнил акробатический этюд, достойный цирка шапито.

В руках дядя Егор держал связку макулатуры. Журналы — «Мурзилка», «Крестьянка», «За рулём». Газеты — «Правда», «Известия», «Комсомольская Правда». Вся стопка была перевязана бельевой верёвкой и весила килограммов пять, не меньше.

Как он вошёл — загадка. Он кувыркнулся раз, второй, подпрыгнул, задел головой прилодку, сбил корыто, которое висело на гвозде (отсюда и первый взрыв!), собрал по пути дрова, старые тыквы, веник и, возможно, чужую кошку, и наконец ввалился в комнату, где мирно храпел Афоня.

— А-а-а-а! — протянул дядя Егор, останавливаясь прямо перед кроватью, и замер, покачиваясь.

Афоня, который только что видел себя великим начальником, теперь смотрел на это чудо природы. Его глаза — один ещё заплывший после вчерашнего, другой просто мутный — медленно переваривали увиденное.

Дядя Егор улыбался. Беззубо. Широко. Радостно.

— Я на момент! — выпалил он. — Я на момент!

Афоня простонал. Он попытался понять, что означает «я на момент». Может, он вовремя? Может, он напоминает о чём-то? А может, просто повторяет единственную фразу, которую помнит после третьего литра самогона.

— Я на момент! — повторил дядя Егор, подходя ближе и начиная трясти Афонию за плечо.

— Пусти, — прохрипел Афоня, отмахиваясь. — Дай поспать.

— Не спать! — дядя Егор тряс сильнее. — На момент! Я на момент!

Он протянул Афоне стопку макулатуры. Стопка была такой высокой, что закрывала лицо дяди Егора, виднелась только шапка-ленинка.

— Вот, — сказал дядя Егор, — принимай наследство. Это архив Фроси.

Афоня замолчал. Он потёр глаза. Он посмотрел на потолок, на стены, на дядю Егора, на макулатуру. Потом обратно на дядю Егора.

— Какой архив? — спросил он. — Какой Фроси? Где мой кабинет? Где Федос в смокинге?

— Фрося, — упрямо повторил дядя Егор, тыча пальцем в стопку. — Фрося. Она тебе писала. Архив. Получай.

Он сунул макулатуру прямо в руки Афоне. Афоня, не глядя, принял её. Стопка была тяжёлой, пахло плесенью и столетней пылью.

Афоня перевёл взгляд на дядю Егора. Тот продолжал улыбаться. Потом он что-то вспомнил, пошарил в кармане фуфайки и достал... обёртку от шоколадки «Алёнка». На обёртке была та самая девочка в платочке, которая, кажется, смотрела на Афонию с укором.

— Распишись, — сказал дядя Егор, протягивая обёртку. — Распишись аккуратно.

Афоня открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Какая на хер Фрося? — спросил он голосом, в котором смешались ужас и недоумение. — Кто это вообще? И что это за перец? Что за незванный гость?

Он прищурился. Вгляделся. И вдруг узнал.

— Егорка? — переспросил он. — Дядя Егор? Это ты, что ли, с утра уже колобродишь?

Дядя Егор радостно закивал.

— Я! — сказал он. — Я на момент!

Афоня протёр глаза ещё раз. Он вспомнил. Что Егорку лучше не злить иначе всё закончится поножовщиной.

— Ты что, архив Фроси принёс? — переспросил Афоня.

— Архив, — кивнул дядя Егор

Афоня вздохнул. Он взял обёртку от шоколадки «Алёнка» и, не глядя, поставил «галочку».

— Всё, — сказал он. — Расписался. Иди.

Егорка радостно улынулся, развернулся и на выходе съел косяк вместе с притолокой. Из сеней донеслось такое, будто танк проехался по складу консервных банок. Корыто, висевшее на гвозде, не упало — его вырвало с мясом, вместе с куском стены. Оно врезалось Егорке в затылок, но он даже не почесался. Он вообще ничего не чувствовал, кроме жажды.

Он схватил корыто, рванул бельевую верёвку, примотал посудину к ремню и рванул через двор, не открывая калитку — просто вынес её плечом. Доски разлетелись в щепки.

Коровы, которые паслись у дороги, шарахнулись в разные стороны. Егорка, не сбавляя шага, пнул одну из них в бок — просто потому, что она стояла на пути. Корова рухнула. Петух попытался взлететь на крышу, но Егорка схватил его за хвост, оторвал перья и бросил в канаву.

Он бежал. Не шёл, а именно бежал — тяжело, косолапо, припадая на левую ногу. Корыто волочилось за ним, высекая искры из асфальта. Металлический визг разносился по всей улице. В домах зажигался свет, люди высовывались из окон, но никто не выходил. Егора здесь знали. Егора боялись.

— На металлолом! — орал он, не обращая ни к кому. — Принимайте, сволочи!

Старуха, которая вышла на крыльцо, перекрестилась и тут же захлопнула дверь. Трезвый, Егорка был дурачком. Пьяный — движущимся стихийным бедствием. А сегодня он был пьян в хлам, зол и голоден.

Из крайнего дома выскочил дед Архип, тот самый, что пил самогон.

— Корыто моё! — заорал он, замахиваясь клюкой.

Егорка, не останавливаясь, выхватил у него клюку, переломил о колено и швырнул обломки в кусты. Дед Архип отшатнулся и молча поплёлся обратно. Он знал: спорить с Егоркой бесполезно. Можно лишиться не только корыта, но и головы.

Егорка скрылся за поворотом, волоча корыто как труп.

Из окна выглянул Афоня. Он видел только пыль, сломанную калитку и корову, которая пыталась встать, но не могла.

— Якши, — сказал он. — Хорошо, что я сегодня трезвый.

Он закрыл окно и вернулся к макулатуре.

Афоня остался один. В руках — стопка макулатуры. На кровати — продранная простыня. На столе — остатки вчерашнего ужина (картошка с селёдкой). В углу — старый веник, который, кажется, собирался жить вечно.

Глава вторая

Сказ о том, как недвижимость достаётся тем, кто умеет читать между строк, а Кузьмич махнул рукой на всю эту бюрократию.

Дом, в котором поселился Афоня, ничейным не числился. Он был ничьим по факту, но по документам — колхозной собственностью, которую списать забыли, продать не решились, а сжечь поленились. Говорят, в шестидесятых здесь была сельская контора — стучали печатные машинки, курили начальники, писали планы по надоям. В восьмидесятых открыли медпункт: бабки в очереди сидели с банками, фельдшер колол уколы спиртом, разбавленным водой. В девяностых всё это добро заколотили. Фанерой, досками, в двух местах — шифером. Окна забили крест-накрест, дверь подпёрли ржавым рельсом. Дом стоял так лет пятнадцать — никто не заходил, никто не выходил, только мыши плодились и ветер выл в щелях.

Дом был старый, бревенчатый, с резьбой по карнизу. Полы — скрипучие, в нескольких местах провалились. Печь — сложена ещё при Хрущёве, топилась плохо, но дымила отлично. Крыша... крыши, по сути, не было. Было что-то, отдалённо напоминающее шифер, но больше похожее на решето.

— Жить можно, — сказал Афоня, когда ему показали этот скворечник размером с два гаража. — Главное, чтобы труха с потолка не падала в суп.

Труха падала. И в суп, и в чай, и в самогон.

Но выбирать не приходилось. Потому что на тот момент, когда Афоня впервые объявился в деревне, он был беженцем. Официально. По документам, которые он нашёл в мусорном баке у сельсовета.

В деревню Афоня попал случайно. Точнее, от безнадёги. Поезд, на котором он ехал без билета, сделал незапланированную остановку. Кондукторша высадила его на полустанке с тремя скамейками и ржавым указателем «Бухаловка». Оттуда он дошёл пешком до села, которое местные называли «Погореловка», но на картах оно значилось как «Нижние Выселки».

Афоня сразу пошёл в правление колхоза. Потому что в любой непонятной ситуации ищи начальство и делай скорбное лицо.

Председатель Кузьмич сидел в кабинете, пахло махоркой, керосином и безнадёгой. Кузьмичу было под семьдесят, но за глаза все называли его «вечный». Он пережил трёх директоров, двух губернаторов и один референдум. Его не брали ни годы, ни водка, ни бессмысленность бытия.

— Здравсьте, — сказал Афоня, заходя без стука. — Я беженец. Из Зимбабве. Дайте жильё, пособие и президентскую пенсию.

Кузьмич поднял глаза. Посмотрел на Афоню: щетина, синяки, галстук узлом. Потом на газету, которую Афоня предусмотрительно прихватил с помойки у почты.

Газета была старая, мятая, с надписью «Российская газета». Афоня ткнул пальцем в разворот, где мелким шрифтом было напечатано что-то про государственную программу по содействию добровольному переселению соотечественников.

— Я читал, — сказал Кузьмич, шурясь. — Там написано про тех, кто родился на территории бывшего СССР.

— А я, — Афоня не моргнул, — родился на территории бывшей Российской империи. Великое княжество Финляндское. Это где-то рядом с Зимбабве. В общем, с юга.

Кузьмич посмотрел на газету, потом на Афоню, потом на портрет Ленина, который висел на стене на одном гвозде.

— Ладно, — махнул он рукой. — Жить тебе всё равно негде. Дом есть один. Заколочен. Если откроешь — твой. Пособия не будет. Президентскую пенсию сам себе оформишь, когда в Кремль пойдёшь.

Афоня взял ключи. Ржавые, на проволоке.

— А что, Кремль далеко? — спросил он для проформы.

— Вёрст восемьсот, — ответил Кузьмич и разлил по стопкам. — Давай за встречу.

Выпили. Крякнули. С тех пор Афоня в деревне и прописался.

Народу в Нижних Выселках оставалось человек пятьдесят. В основном пенсионеры. Те, кому ехать было некуда, а умирать не страшно. Молодёжь сбежала в город. Те, кто остался, держались на самогоне, огородах и взаимной ненависти к соседям.

Две улицы — Центральная и Набережная. Переулок — один, безымянный, с тремя фонарями, из которых работал только один, да и тот мигал, как нервный тик.

Чуть больше ста домов. Половина из них стояла заколоченными — окна-глазницы, двери нараспашку, ветер играет в комнатах. Вторая половина — дачи горожан, которые приезжали летом, сажали помидоры, пили пиво и уезжали до следующего года. Своих, постоянных, можно было пересчитать по головам возле автолавки.

Афоня быстро вписался в местный ландшафт. Он чинил краны, менял прокладки, пил с мужиками и даже ходил на выборы (не помнил, за кого). Старики его уважали — за то, что не буянил. Молодёжь (два алкаша и один бывший зэк) — за то, что привозил самогон из города. Кузьмич — за то, что иногда приносил газеты, из которых можно было вырезать что-нибудь про сельское хозяйство и повесить на доску почёта.

Дом Афоня потихоньку обживал. Печь переложил — теперь дымила в трубу, а не в комнату. Полы застелил фанерой — ступать стало можно. Крышу... крышу он не трогал. Пусть течёт. Вода очищает мысли.

Из окна было видно поле, лес и грунтовую дорогу, по которой никто никогда не ездил. Раз в день проходила почтальонша. Раз в неделю — пьяный Егорка.

Афоня сидел на веранде, курил и смотрел на закат.

— Якши, — говорил он. — Лучше, чем в городе. И это была чистая правда.

Афоня спустил ноги с кровати. Пол был холодный, дощатый, с щелями, в которые проваливались не только носки, но и надежды. Он натянул штаны — те самые, что вечером бросил на пол, а утром они уже примерзли к полу. Штиблеты — парадные, из города, с дырками на подошве — влезли без проблем. Грязные носки покатались под кровать. Афоня пнул их обратно.

Умывальник стоял в углу, ручной, с железным рычагом. Вода падала в ведро гулко, как капель в пещере. Звук был такой, что можно было слушать минуту, но Афоня слушал дольше — просто потому что некуда было спешить.

Он потянулся к печи. Чугунная заслонка отлипла с хрустом. Три печёные картофелины — чёрные, в сморщенных шкурках, с пропечённой серединой — лежали в золе. Тут же, на краю печи, стояла полбутылки самогона. Остаток вчерашнего. Пол литра мутной жидкости.

Афоня налил в гранёный стакан. Ровно до краёв. Жидкость была мутной, с маслянистыми разводами.

— Ну, будем, — сказал он сам себе.

Выпил одним глотком. Не поморщился. Закусил печёной картошкой. Соль закончилась ещё вчера, но он посыпал сверху золой из печи. Зола добавляла хруст и вкус детства, которого у него не было.

— Всё, — сказал Афоня, вытирая рот рукавом. — Пора сельское хозяйство поднимать. Пара брат, пора.

Он подошёл к окну, посмотрел на поле. Ветер гнул бурьян. Где-то лаяла собака.

— Посажу яблони. Абрикосы. Бананы. Какао. Апельсины. Апельсины буду продавать на рынке. Рынок — это деньги. Деньги — это свобода.

Он подумал.

— Буду разводить кроликов. Лошадей. И собак. Да, собак обязательно. Элитных. Тех, которые продают за бешеные деньги. За такие, что хозяева сами бесятся, когда видят чек.

Афоня натянул пиджак. Тот самый, мятый, с пятном от горчицы.

— А теперь — пройду по соседям. Посмотрю, нет ли у них этих самых элитных собак. И чего-нибудь ещё, что поможет поднять с колен наш агропром.

Первой жертвой оказалась баба Шура. Она жила через два дома, на углу. Двор был заросший, калитка подпёрта колом. Баба Шура сидела на лавочке, чистила картошку и смотрела в одну точку. Внешне — безобидная старуха. Внутренне — тот ещё кремень.

Афоня зашёл без приглашения.

— Здравствуйте, баба Шура. Я к вам по делу.

— Иди ты, Афоня. Я твои дела знаю. У тебя одни дела — как бы чего стянуть.

— Вы меня обижаете, — Афоня прижал руку к сердцу. — Я социально ориентированный предприниматель. Агростартап. Кооператив. Гранты. Короче, забираю мотоцикл с коляской.

— Какой мотоцикл? — баба Шура поперхнулась.

— В сарае. «Урал». Вашего покойного мужа. Он всё равно гниёт.

— Ничего не гниёт. Он там стоит. Память.

— Память не гниёт, а мотоцикл гниёт. Вы же не против утилизации исторического наследия в пользу современного сельского хозяйства?

Баба Шура открыла рот, но Афоня её перебил. Глаза у него стали такими наглыми, будто он брал кредит на чужой паспорт.

— Лизинг, — сказал он веско, как профессор, который читает лекцию про то, чего сам не понимает. — Лизинг — это основа маркетинга. Вы отдаёте мне мотоцикл, а я вам перевожу биткоины. Это такие деньги, которые сами собой растут. Клатч, дедлайн, аутсорсинг. Всё серьёзно.

Баба Шура замерла. Она слышала эти слова — мелькали в новостях, когда говорили про депутатов. Депутаты врать не будут. Они же избраны.

— А чё, биткоины — это надёжно? — спросила она, косясь на мотоцикл.

— Биткоины — это стретч-технология, — продолжал Афоня, подключая фантазию и отключая совесть. — Прайс-лист прилагается. Через две недели у вас будет двадцать тысяч. А может, и тридцать. В лизинге всё сложно, цифры прыгают.

— А если не заплатят? — не сдавалась баба Шура.

— Я вам гарантирую, — Афоня перешёл на доверительный шёпот, — это же аутсорсинг. Мы заключаем клатч, и дедлайн наступает. Вы не волнуйтесь, я депутатов знаю. Они всё через лизинг делают, потому что сами роуп-джампинг. Но главное — работают.

Баба Шура задумалась. Слова были красивые, незнакомые. И Афоня говорил как по телевизору — быстро, уверенно, как будто рекламировал пылесос. Она махнула рукой.

— Забирай, — сказала она. — Но если Биткоинов не будет, я на тебя в сельсовет пожалуюсь.

— Пожалитесь? — Афоня улыбнулся шире, чем обычно. — Это ваш стретч-клатч. Теперь баб Шур ты в шоколаде!

Он схватил мотоцикл, выкатил из сарая и, не оборачиваясь, завёл его. «Урал» зарычал, из глушителя вылетела пробка из пакли.

Баба Шура стояла на крыльце, сжимая в руке клочок газеты, на котором Афоня «расписался». Она чувствовала себя участницей чего-то большого, государственного. И совершенно не понимала, что её только что обманули профессионально, с любовью и с использованием иностранных слов, которых не знал даже тот, кто их произносил.

Афоня рванул с места. В лицо ударил ветер. Он мчался по грунтовой дороге, поднимая пыль, и сам себе казался крупным бизнесменом. «Маркетинг, работает», — подумал он и сплюнул.

Афоня мчался по деревне на стареньком «Урале». Мотоцикл подпрыгивал на кочках, коляска гремела, как телега с посудой, из глушителя вылетали искры и какие-то хлопья — то ли сажа, то ли ещё чего. Пыль поднималась такая, что бабки на лавочках закрывались газетами.

И тут он заметил. У забора дома, где дед Игнат косил траву, бегали маленькие щеночки. Дворняжки. Четыре штуки. Комки шерсти на коротких лапах, с мокрыми носами и глазами, полными готовности к приключениям.

Афоня вжал тормоз так, что «Урал» завалился на бок, высек искру из булыжника и встал. Облако пыли накрыло двор, огород и полдеревни. Когда пыль осела, Афоня уже был у калитки.

— Дед Игнат, — крикнул он, перекрикивая стрекот кузнечиков. — Чего собачонки маются у забора? Бегают, орут, прохожих пугают.

Дед Игнат, старый, сухой, как вобла, перестал косить, оперся на косу и вытер пот со лба. Ему было за семьдесят, но в глазах ещё горел огонь. Тот самый, который не гаснет даже после пол-литра.

— Мои, — ответил он. — Сука вот оценилась. Четверо. Некормленные, глазастые. Хоть в ведро их...

— Не надо в ведро, — перебил Афоня, подходя ближе. Он достал из кармана инструкцию от таблеток — маленькую, сложенную вчетверо, всю в пятнах. Ткнул пальцем туда, где шрифт был совсем мелкий — не разобрать ни буквы. — Видишь, дед Игнат? Лизинг.

— Чего? — Дед прищурился.

— Лизинг, — повторил Афоня, и лицо у него стало таким наглым, будто он прямо сейчас переписывал на себя Кремль. — Забираю я у тебя собачонок, а тебе за это биткоины на телефон придут. Не волнуйся, всё официально. Госпрограмма. Маркетинг.

Дед Игнат почесал затылок. Афоня говорил быстро, как диктор на радио, и дед не успевал переваривать.

— А биткоины — это не заразно? — спросил он, косясь на щенков.

— Ты чё, дед, в лесу живёшь? — Афоня даже обиделся. — Это новая валюта. Самая безопасная. И очень дорогая. Ну, тебе как своему — сорок тысяч биткоинов я гарантирую. Всё придёт на телефон СМСкой.

Дед покосился на свой старый кнопочный телефон, который лежал на лавочке.

— Эт чё, и крышу я смогу перекрыть?

— И крышу перекроешь, — кивнул Афоня. — И сарай перекроешь. И вообще всё, что хочешь, перекроешь. И вафли купишь. И апельсины. И сапоги. И даже... — он задумался на секунду, подбирая слово, — ...да хоть клатч себе купишь.

— Клатч? — удивился дед.

— Это такой велосипед для богатых, — пояснил Афоня, не моргнув глазом. — Ты станешь богатым, дед. Главное — подписывай.

Он протянул деду ту же инструкцию. Игнат посмотрел на бумажку, на Афонию, на щенков, которые уже перестали бегать и просто сидели и смотрели на происходящее с философским недоумением.

Дед Игнат почесал затылок. Он давно понял, что Афоня — плут и мошенник. Но вида не подал. Потому что щенков всё равно некуда девать, а топить их грех.

— Так может, ты, сынок, и котят заберёшь? — спросил он, кивая в сторону сени. — У нас тут кошка недавно окатилась. Пятеро. Глазки уже открыли.

Афоня чуть не подпрыгнул от счастья. «Кошки!!! Продам как элитных Британских вислоухих...».

— Я всегда готов помочь землякам, — сказал он, с трудом сохраняя серьёзное лицо. — Тащи своих котят. Всё по лизингу. Одной СМСкой.

Дед Игнат ушёл в дом, счастливый. «День-то какой хороший, — думал он. — Вдруг откуда ни возьмись, появился городской дурачок. Всю ненужную скотину из дома забрал. А то пришлось бы этих котят самому в ведре топить — грех на душу брать. А тут — биткоины. Может, и правда, придут?»

Афоня открыл коляску мотоцикла. Кинул туда щенков (четверо штук). Сверху — котят (пятеро). Вся эта живность заверещала, задвигалась, принялась обнюхивать друг друга.

— Ну что, поехали, — сказал Афоня, садясь на мотоцикл. — Не забывай, дед Игнат. Жди СМС. Сорок тысяч Биткоинов. И клатч.

— Жду, — кивнул дед. — Ты главное не забудь.

Афоня газанул. Мотоцикл чихнул, взревел и рванул с места. Коляска подпрыгивала на кочках, оттуда доносилось повизгивание и звонкое «мяу». Из-под колёс летела пыль.

А у дома остался дед Игнат. Он смотрел вслед мотоциклу, утирал слёзы. То ли от пыли, то ли от смеха.

Он вздохнул, взял косу и пошёл дальше косить. Жизнь продолжалась. А где-то впереди, в клубах пыли, мелькала коляска, полная щенков, котят и авантюризма.

Глава третья

Сказ о том, как Афоня прорекламирал Мальтипу за пятьдесят тысяч, а дама в сомбреро поверила в майнстрим.

Афоня двинулся дальше по деревне, туда, где воздух пах не навозом, а дорогим табаком и лицемерием. Там, где за заборами скрывались дачи горожан — не старые, не покосившиеся, а новенькие, с пластиковыми окнами и газонами, на которых не росло ничего, кроме сорняков, но хозяева упорно называли это «лужайкой».

Ещё издали он заметил дом. Не дом — дворец. Кирпичный, с кованой калиткой, на которой висела табличка «Сторожевые псы могут укусить». Под табличкой уже кто-то написал мелом: «Козлы». Возле калитки — иномарка. Большая, чёрная, с тонированными стёклами. Не «Лада», не «Москвич», а тачка, которая на дороге занимает полторы полосы, а сам водитель занимает ещё больше.

Афоня остановил мотоцикл, заглушил двигатель. Тишина. Только где-то вдалеке кукарекал петух.

— Элита, — сказал Афоня, поворачиваясь к коляске, где вперемешку лежали котята и щенки. — Заприте. Сейчас работаем на престиж.

Он сунул руку в кучу, нащупал самого блохастого, самого паршивого щенка — того, который всю дорогу скулил громче всех. Сунул его за пазуху. Свитер натянулся, и щенок, почуввав тепло, затих. Правда, ненадолго.

— Ты у меня — за добермана сойдёшь, — прошептал Афоня, поправляя галстук, который уже давно должен был намотать на кулак и выбросить. — Белая масть. Элитная. Из Америки.

Щенок был рыжий. И грязный. И в репьях. Но Афоня на это не смотрел. Он смотрел на дом.

Походкой — не той, которой ходят простые смертные, а особой, «негр-сутенёрской», — он направился к калитке. Калитка скрипнула, как старая совесть, но Афоня не обратил внимания. Совесть у него была, но она уже три года работала в удалённом режиме.

Во дворе, на шезлонге, загорала дама. Лет сорока восьми, не больше. Волосы уложены в сложную конструкцию — вокруг головы что-то вроде короны из кос и шпилек. На лице — слой тонального крема такой толщины, что в нём можно было бы искать клад. На губах — не губы, а два авианосца. Силиконовые, накачанные, ярко-красные. На голове — красная шляпа сомбреро. Такая большая, что под ней можно было бы спрятать мотоцикл.

— Добрый день, мадам, — сказал Афоня, подходя к шезлонгу и картинно приподнимая воображаемую шляпу. — Я к вам с подарком. Сегодня самый счастливый день в вашей жизни.

Дама приоткрыла один глаз. Сначала посмотрела на Афоню — грязные ботинки, мятая рубашка, галстук узлом. Потом на его руки — пустые. Потом снова в глаза.

— Это вы мне? — спросила она голосом, в котором слышалось: «Если ты бомж, проваливай».

— Вам, вам, — закивал Афоня, доставая из-за пазухи щенка. — Вот. Ваша мечта сбылась. Жужа. Белой масти. Элитная.

Щенок, которого вынули из-за пазухи, обиженно взвизгнул. Он был рыжим, в репьях, с красными от блох глазами. И вообще — дворняга.

— Ой, — сказала дама, привставая на локтях. — Это что? Мальтипу?

— Ага, — кивнул Афоня, даже не моргнув. — Самая что ни на есть мальтипу. Из Америки. Дорогая, редкая. Я их по лизингу привёз.

— А почему рыжая? — спросила дама, щурясь.

— Это она в условиях перелёта, — нашёлся Афоня. — Там, в самолёте, ультрафиолет. Обгорела. А так — белая. Элитная. С родословной.

— А родословная где?

— В Администрации, — Афоня махнул рукой в сторону горизонта. — Заверяют. Подождите недельку, пришлют. На Биткоиных.

Дама нахмурилась. Что? Биткоины, Администрация, ультрафиолет — это звучало как заклинание.

— А кто вам сказал, что я хочу собаку? — спросила она подозрительно.

— Зина, — Афоня назвал первое пришедшее на ум имя. — Она сказала, вы мечтаете. Ну, знаете, мы с ней по промоушену работаем. Майнстрим, синопсис, питчинг.

— Кто такая Зина? — не унималась дама.

— Да вы её не знаете, — отмахнулся Афоня. — Она по клатчам. По стретчу. Хорошая женщина.

Он поднял щенка повыше, так, чтобы дама видела, как тот страдает. Для убедительности Афоня незаметно ущипнул щенка за заднюю лапу. Щенок взвизгнул так жалобно, что у дамы дрогнуло сердце. А может, и не сердце, а силикон, но суть одна.

— Ой, бедненький, — прошептала она. — Он плачет.

— Это он от счастья, — заверил Афоня. — Ну что, берёте? Последняя осталась, между прочим. Из Америки должны были ещё прилететь, но аэродром имени Двадцатого съезда профдеформации закрыт на ремонт.

Дама молчала. Она смотрела то на рыжего щенка, то на Афоню, который уже начал нервничать.

— А привитая? — спросила она наконец.

— Ещё бы, — Афоня выпятил грудь. — От ковида. От краснухи. И от Альцгеймера тоже. Всё включено.

— А стоит?

— Пийсят тыщ, — выпалил Афоня и тут же добавил, почувствовав, что цена слишком высока даже для Мальтипу: — Ну, это с учётом доставки. Из Америки, сами понимаете, транспортные расходы. И страховка.

Дама, видимо, была не из тех, кто торгуется. Она при деньгах.

— Ладно, — сказала она, тяжело поднимаясь с шезлонга. — Сейчас принесу.

Она ушла в дом. Афоня остался во дворе. Щенок в его руках притих, видимо, поняв, что сейчас его или продадут, или съедят.

— Не дрейфь, элита, — прошептал Афоня щенку. — Будешь жить в шоколаде. И в сомбреро.

Дама вышла с деньгами. Хрустящими, новыми. Афоня взял их, не пересчитывая, сунул в карман.

— Всё, мадам, — улыбнулся он. — Ждите родословную. И биткоины. И клатч.

Он протянул ей щенка. Дама взяла его, прижала к груди, и щенок, наконец-то оказавшись в тепле и покое, перестал скулить.

— Как его зовут? — спросила она.

— Жужа, — сказал Афоня. — Или можно — Просто Бублик. Как хотите. Он умный.

Дама посмотрела на щенка, потом на Афоню.

— А вы кто вообще?

— Я бизнесмен, — ответил Афоня, разворачиваясь. — Крупный. Майнстрим, знаете ли. Зуб даю. Всё по чесноку.

Он пошёл к выходу, не оглядываясь. Походка была прежней – наглая, вразвалочку, как у человека, который только что продал рыжего щенка за полсотни тысяч.

Дама стояла во дворе, смотрела ему вслед, гладила щенка и пыталась понять, что такое «майнстрим» и почему её сомбреро не подходит к этой деревне.

А Афоня уже садился на мотоцикл, заводил его и думал, что нужно поторапливаться. Впереди ещё куча дачников, куча щенков и куча Биткоинов, которые никто никогда не увидит. И Катя, которая, возможно, уже идёт по его следу.

— Лизинг, — сказал он сам себе. — Аутсорсинг. Промоушен. Якши.

Он газанул и рванул с места. Из коляски донеслось возмущённое «мяу». Пыль осталась позади. И сомбреро.

Глава четвёртая

Сказ о том, как Афоня торговал собаками под видом элиты, а кошек — под видом Гамаюнов, и ни одна сделка не обошлась без лизинга.

Афоня играючи продавал мелкую скотинку. Собачонки расходились очень быстро, как горячие пирожки. Одного он продал как ротвейлера — тётке, которая хотела охранять огород. Другой ушёл как ризеншнауцер — мужику, который строил дом и верил в немецкое качество. Третий — как орловский рысак, только мелкий. Молодой паре, которая мечтала о лошади, но в хрущёвку её было не завести.

— Он бегаёт быстро, — сказал Афоня. — Правда, недолго. Но это потому, что ноги короткие.

Пару это устроило.

С кошками было сложнее. Брели их неохотно. В деревне и своих котов было полно — каждое крыльцо имело как минимум двух блохастых сторожей, которые считали себя хозяевами жизни.

Афоня подъехал к дому, где на лавочке сидела не молодая пара дачников-пенсионеров. Бабка в платке, дед в тельняшке. Смотрели на мир с таким видом, будто уже всё видели и ничего хорошего не ждали.

Афоня сунул кошака за пазуху. Котёнок вцепился когтями в печень, но Афоня не подал виду — он был готов к жертвам ради бизнеса. Походкой «негра-сутенёра» он направился к калитке.

— Здорово живёте, люди добрые! — начал он, — Вам сегодня повезло. У меня тут лизинг. Я вам кота, а вы мне денюшку. Вот такой вот синопсис.

Пенсионеры посмотрели на Афоню как на дурака. Бабка подслеповато прищурилась, приставила ладонь козырьком.

— Егорка, ты что ли? — спросила она. — Ты чё уже начал бездомными кошками торговать? Опять запил?

Афоня возмутился так, будто его сравнили с грузчиком, а не с олигархом.

— Во-первых, я не Егорка. Я Автандил Вертолётков. Крупный бизнесмен. Уралмаш знаете? Я там главный. Во, зуб даю. А это не простой котёнок. Это очень редкий британский короткошёрстный Гамаюн. Очень редкая порода. Их всего в природе семь штук осталось. Щас вот не возьмёте — всю жизнь будете локти кусать. И не только локти.

Дед, до этого молчавший, вдруг подал голос.

— И скока же ты просишь за котёночка?

Афоня ожил.

— Для вас, как для бывших родственников моей жены (жены у Афони отродясь не было, но пенсионеры об этом не знали), отдам за нидорого. Пятнадцать тышь.

— Пятьсот, — рявкнула бабка, не терпящая возражений. — Пятьсот рублей. Больше нет.

— Пятьсот?! — Афоня схватился за сердце.

— Пятьсот, — повторила бабка.

Афоня понял: здесь не проскочишь. Он вздохнул, сделал скорбное лицо и выдал:

— Ну, смотрите. Только ради вас. Только всё ради Московского долголетия.

Он отдал котёнка, получил пятьсот рублей и, не оглядываясь, зашагал к мотоциклу. В кармане звенела мелочь. За пазухой было пусто и свежо.

Бабка посмотрела на котёнка. Котёнок посмотрел на бабку. Дед крикнул и налил себе ещё.

А где-то вдалеке уже заводился «Урал», готовый к новым свершениям, новым продажам и новым жертвам агробизнеса.

Афоня остановился возле автолавки, где скопился народ. Народ был разный: кто ждал кефира, кто — хлеба, а кто — просто не знал, куда себя деть. Афоня решил, что это его звёздный час.

Он превратился в Куклачёва. Вылез из мотоцикла, достал из коляски оставшихся кошек и начал представление. Бесплатный цирк. Жонглировал котами, перекидывая из руки в руку. Коты визжали, царапались, но Афоня не обращал внимания. Он растягивал их в струну, сжимал в комок, крутил за хвосты.

— Коты — это жидкость! — кричал он, подбрасывая очередного мурзика. — Смотрите! Они текут! Они занимают любой объём! Наука, мать её!

Народ молчал. Кто-то крикнул. Кто-то перекрестился. В основном — смотрели как на дурака, но не расходились. Бесплатно — оно и в Африке бесплатно.

И тут сжалилась продавщица. Женщина с красным лицом и синяком под глазом, которая видела в этой жизни всё — и пьяных трактористов, и гнилые помидоры, и даже самого Афонию в лучшие годы. Она взяла одного котёнка, самого хромого и безглазого, и сказала:

— Денег нет. Возьми пряники.

Она достала пакет. В пакете лежали пряники. Твёрдые, как кирпичи. Коричневые, с серым налётом. На вид такие же древние, как мамонты.

— Долгоиграющие, — добавила продавщица.

Афоня взвесил пакет в руке. Пряники были тяжёлыми. Ими можно было забить гвоздь. Или оглушить быка. Или просто положить в карман для самообороны.

— А чё? — сказал Афоня. — И то хлеб.

Он сунул пакет в коляску, отдал котёнка, завёл мотоцикл и поехал дальше.

Из коляски вылетел один пряник, угодил в деда Архипа. Дед не упал. Он только крикнул и убрал пряник в карман — на случай, если придётся обороняться от бродячих собак.

А Афоня уже мчался по просёлку, напевая:

— Лизинг, маркетинг, клатч, аутсорсинг. Пряники — тоже валюта.

Глава пятая

Сказ о том, как последний котёнок стал орудием шантажа, а бабушка поняла, что спорить с Афоней себе дороже.

Всё шло по плану. Одной подслеповатой бабушке Афоня загнал котейку как экзотическую тварь. Насвистел бабуле, что это лемур, который безжалостно убьёт всех её мышей и клопов. Отдал аж за двести рублей — бабушка хотела дать сотню, вторую Афоня просто стырил из её кошелька, пока она моргала.

Второго котёнка он продал деду Игнату — тому самому, у которого он же их и взял. Игнату было лень с дураком спорить, он отмахнулся, сунул сотню и сказал: «Забирай, отстань».

А вот последний, застрял. И так и сяк — никто не брал. Деревня полностью укомплектовалась котами. Они уже сидели на каждом заборе, в каждом сарае, под каждой лавкой. Спрос закончился. Предложение превысило все мыслимые пределы. Рынок рухнул.

Афоня понял: пора включать тяжёлую артиллерию. Он подъехал к дому, где на лавочке сидела бабушка с внучкой. Внучке лет семь, косички, бантики, держит куклу за ногу. Бабушка — в фуфайке, с палкой, с лицом, которое повидало и войну, и голод, и таких проходимцев, как Афоня.

Афоня взял последнего котёнка — тощего, блохастого, с одним полузакрытым глазом — и направился к ним. Подошёл. Сел рядом на лавочку, даже не спросив разрешения. Бабушка аж подскочила.

— Ну что, молодые люди, — сказал Афоня, развалившись на досках. — Давно меня ждёте?

Бабушка вытаращила глаза.

— Да мы, собственно, никого не ждём.

— А я пришёл, — отрезал Афоня.

Он достал из-за пазухи котёнка и, не говоря ни слова, сунул его в руки внучке.

— Вот, Маруся. Держи. Теперь это твой новый друг.

Внучка не была Марусей. Её звали Даша. Но Афоня уже всё решил.

— Ой, какой хорошенький! — пискнула девочка, прижимая котёнка к груди.

Бабушка тут же напряглась.

— Не бери, Даша! Он может быть заразный! Блохастый, с лишаём, а может, и бешеный!

Афоня сделал вид, что обиделся.

— Кто заразный? Я?

— Кот твой может быть заразный, — отрезала бабушка.

Афоня схватился за голову. Потом резко подскочил.

— Ух, тыж ё! А я не знал! — заорал он так, что внучка вздрогнула. — Выходит, кот — заразный? Опасный? Его надо усыпить!

Он снял с ноги ботинок. Старый, кирзовый, с подошвой, которая уже отклеилась. Замахнулся. Внучка заверещала, прижала котёнка к груди, сжалась вся, заплакала.

— Не надо! Не убивайте!

Бабушка попыталась стукнуть Афоню палкой. Палка была старая, но увесистая. Афоня ловко увернулся — не впервой.

— Что ж ты делаешь, изверг! — закричала бабушка. — Девчонку пугаешь! Кота мучаешь!

— Так я нас всех от заразы спасаю, — невозмутимо ответил Афоня, поигрывая ботинком. — Усыпить — и никаких проблем.

— Вот тебе сто рублей! — бабушка вытащила из кармана мятые купюры. — Забирай и уезжай! И кота оставь!

Афоня мгновенно надел ботинок, сунул деньги в карман, улыбнулся самой наглой улыбкой.

— Ну, вот так бы сразу.

Он похлопал внучку по голове, потрепал котёнка за ухо, сел на мотоцикл и уехал.

Из коляски вылетел один пряник, угодил в забор, отскочил и приземлился в крапиву.

— Лизинг! — крикнул Афоня на прощание.

Бабушка смотрела вслед, сжимая палку. Внучка вытирала слёзы и гладила котёнка.

К концу трудового дня у Афони была приличная выручка. Больше шестидесяти тысяч. Он пересчитал деньги трижды: первый раз — до пяти, второй — до семи, третий — до ста, но сбился на двадцати пяти и решил, что хватит.

«Много», — подумал он. — «Очень много. Надо потратить».

Он развернул мотоцикл и поехал обратно к автолавке. Тётя Продавщица уже закрывала фургон, собираясь, домой, но увидела клиента и тут же включила режим «добрая продавщица из народа».

— Ба! Какие люди! — заулыбалась она.

— Дело есть, — сказал Афоня, спрыгивая с мотоцикла. — Давай литр водки, селёдку вонючую, самую вонючую, чтобы дух стоял. И макароны. Зачем мне макароны? Потом разберусь. Макароны — это стратегический запас.

Тётя Продавщица выложила товар на прилавок. Водка — «Белая Горячка». Селёдка — в банке, с запахом, от которого в радиусе трёх метров дохли мухи и блевали клопы. Макароны — рожки, которые лежали с прошлого года и уже успели покрыться белым налётом.

— С тебя, — сказала тётя продавщица, щёлкая на калькуляторе, — три тысячи. Но ты же наш, деревенский. Давай за две. А сдачу с шестидесяти тысяч — шестьсот рублей. Идёт?

Афоня даже не задумался. Он высыпал всю выручку на прилавок: шестидесятитысячную пачку, перетянутую резинкой. Тётя Зина ловко схватила деньги, пересчитала — три секунды, и результат был готов.

— Вот, — сказала она, протягивая Афоне шестьсот рублей мелочью. — Держи. Всё по-честному.

Афоня сунул мелочь в карман, даже не пересчитав. Он вообще доверял людям. Особенно тем, кто продаёт ему водку. И математику он знал частично — что такое «много» и «мало», но отличить шестьдесят тысяч от шестисот уже было выше его компетенции.

— Лады, — сказал он, грузя водку, селёдку и макароны в коляску. — Якши.

Тётя Зина смотрела вслед мотоциклу и улыбалась. Она улыбалась так, как улыбаются люди, которые только что провернули аферу на пятьдесят четыре тысячи рублей.

Она захлопнула фургон и пошла домой — пересчитывать выручку. Дома её ждал муж, который пил самогон и смотрел телевизор. Она положила деньги в тумбочку, под кучу белья, и сказала себе: это мои гробовые.

А Афоня мчался по пыльной дороге, напевая «Птицу счастья». В коляске громыхали водка, селёдка, макароны и три пряника, которые так и не пригодились.

— Теперь можно и гульнуть! — заорал он на всю деревню.

Но гулять было не с кем. Федос в Москве. Катя где-то в Подмосковье. Егорка уехал сдавать корыто. Остались только куры, дед Архип и его самогонный аппарат.

Афоня подумал, что это неплохая компания.

Гулять Афоня решил широко. Не просто так, а с размахом, которого Нижние Выселки не видели со времён последней битвы трактористов за право пахать заброшенный огород председателя. Он прикатил к деду Архипу.

Дед Архип сидел на завалинке, шурился на закат и курил самокрутку, которая воняла так, будто в неё завернули жжёный лапоть и немного навоза. Рядом стоял его знаменитый самогонный аппарат — конструкция из трёх фляг, медной трубки и автомобильного радиатора, которая гудела, как трансформаторная будка, и выдавала продукт крепостью такой, что им можно было обезжиривать двигатели.

— Дед Архип! — заорал Афоня, спрыгивая с мотоцикла и едва не упав, потому что нога затекла. — Я сегодня в большом плюсе! Гульнём?

Дед Архип не спеша повернул голову. Посмотрел на Афоню, на мотоцикл, на пряники, которые торчали из коляски как снаряды.

Дед Архип крикнул, но самогонку отставил. Бутылка «Белой Горячки» была встречена как родная. Он даже сходил в дом за двумя гранёными стаканами, которые, кажется, помнили ещё запуск первого спутника.

Разлили. Выпили. Крикнули. Селёдка пошла на ура, макароны — сухими, потому что варить их было лень. Афоня грыз рожки, запивал водкой и чувствовал себя Наполеоном. Правда, Наполеоном после Бородино, но всё же.

— Слышь, дед Архип, — Афоня закурил «Винстон», который нашёл в подкладке пиджака, — а ты про архив Фроси что-нибудь знаешь?

Дед Архип перестал жевать. Его лицо, и без того морщинистое, собралось в гармошку.

— Фрося? — переспросил он. — Это ж которая ведьма?

— Какая ведьма? — Афоня поперхнулся дымом.

— Ну, Фрося-то. С Погореловки. Она ещё в девяностых померла. Говорили, порчу наводила. На скот, на урожай, на председателей. У нас тут один председатель после неё три года икал, пока не помер.

Афоня задумался. Ведьма. Архив. Макулатура. Это пахло неприятностями. А неприятности, как известно, пахнут либо деньгами, либо магией. Либо и тем и другим сразу.

— Слышь, Афонька. А хочешь совет? Старый. Народный.

— Ну? — Если что... если нечисть полезет... ты это... зови. У меня ружьё есть. И соль. И самогон, который даже демоны не переваривают.

— Я тебя понял, дед, — Афоня похлопал Архипа по плечу.

Он сел на мотоцикл, завёл его с третьей попытки и укатил в темноту. Фара «Урала» выхватывала из мрака кусты, столбы и чьи-то глаза, светящиеся в придорожной траве. То ли кошки, то ли что похуже.

Дома его ждали: печь с остатками углей, стопка макулатуры от Фроси и одиночество.

Глава шестая

Сказ о том, как Федос прибыл на такси, а водитель уехал, думая, что обманул всех, но обманули его.

Наступило новое утро. Солнце встало над деревней такое же серое, как и вчера. Куры проснулись, дед Архип налил себе сто грамм, бабки вышли на лавочки перебивать косточки. И тут появился ФЕДОС.

Он нашёл Афоню по запаху. Не по адресу, не по звонку, не по счастливой случайности — просто нюх привёл. Ветер дул с востока, и Федос шёл против ветра, как заправская ищейка. Запах перегара, просроченной колбасы и немытого тела был настолько сильным, что его можно было не только унюхать, но и увидеть — он стелился над грунтовкой, как туман.

Федос приехал на такси. Не на попутке, не на автобусе, а на такси — жёлтом, грязном, с водителем-нерусским, который уже жалел, что взял этого пассажира.

— Давай, шеф, — сказал Федос, садясь в машину. — Едем в деревню Нижние Выселки. На похороны бабушки.

Водитель кивнул. Он плохо знал русский, но слово «похороны» понимал. Оно было интернациональным. Он включил счётчик и поехал.

Дорога была долгой. Федос молчал. Водитель молчал. Только счётчик тикал.

Когда они въехали в деревню, Федос указал на дом председателя Кузьмича — самый большой, с покосившимся забором и флагом на крыше (Кузьмич вешал флаг по праздникам, но флаг уже три года никто не снимал).

— Остановите здесь, — сказал Федос. — Я сейчас, только бабушку проведаю.

Водитель остановился. Федос вылез, обошёл дом, через сад перелез через забор и исчез в кустах. Водитель ждал. Ждал минуту, две, пять. Потом понял: пассажир не вернётся. Денег он не дал. Счётчик натикал больше трёх тысяч.

Водитель вылез из машины, подошёл к дому Кузьмича и начал стучать в калитку. Председатель вышел не сразу. Он возился в сарае с самогонным аппаратом и не слышал. Но когда стук стал настойчивее, Кузьмич крикнул и поплёлся открывать.

На пороге стоял таксист. Злой, потный, с глазами, полными решимости.

— Эй! Чёрт! — начал он. — Ко-гда! — Баб-ка-хоронить!

Женский голос перевёл:

— Послушайте, уважаемый. Когда начнутся похороны?

Кузьмич уставился на водителя как на привидение.

— Те чё надо, земляк? — спросил он.

Таксист не понял, но продолжил давить:

— Катался долго! Дэнги давай! Чёрт!

Перевод женский голос.

— Уважаемый, я сочувствую вашему горю. Но не могли бы вы расплатиться за своего родственника?

Кузьмич наконец догадался. Он набрал воздуха в лёгкие и заорал прямо в ухо таксисту, как глухому деду на базаре:

— Мы ничего не покупаем! У нас денег нет! Вон там живёт продавщица — к ней езжай!

Он показал пальцем на дом тёти Продавщицы, который виднелся за поворотом. Таксист посмотрел туда, потом на Кузьмича, потом на свою машину. В голове у него созрела мысль: этот упырь, который с ним ехал, живёт в доме, куда показал мужик. То есть — в доме продавщицы.

— Сень-кью-вери-матч, — сказал он и пошёл к машине.

Кузьмич закрыл калитку и пошёл допивать самогон.

Таксист завёл мотор, доехал до дома тёти Продавщицы, подъехал к крыльцу и начал сигналить. Сигнал был долгим, противным.

Тётя Продавщица вышла. Она как раз пересчитывала вчерашнюю выручку (больше шестидесяти тысяч) и раскладывала деньги по тумбочкам. Увидев такси, она подумала, что приехали какие-то важные люди. Может, из района. А может, из налоговой. Но такси!

— Чего тебе? — спросила она, вытирая руки о передник и подходя к машине.

Таксист вылез. Он был уже на взводе.

— Дэ-нги! — заорал он. — Отдавай! Дэ-нги! Чёрт!

Перевод женский голос:

— Я очень извиняюсь, но не могли бы вы оплатить счёт?

Тётя Продавщица поняла только одно слово: «деньги». И тут её осенило. Ей показалось, что пришла «крыша» — те, кто берёт взносы за защиту. В деревне и такое бывало. Кто-то платил за спокойствие, кто-то не платил, и тогда у него сгорал сарай.

— Сколько? — спросила она.

Таксист показал на счётчике три с лишним тысячи. Тётя Продавщица не стала разбираться. Она достала из кармана все деньги, которые получила от Афони — больше шестидесяти тысяч, сунула их таксисту и сказала:

— На, забирай.

Таксист схватил деньги. Пересчитал. Там было даже больше, чем требовалось. Он обрадовался, сел в машину, завёл мотор и уехал в город. Всю дорогу он улыбался и думал: «Какие хорошие люди живут в этой деревне. Такие добрые. Никто не спорит. Только деньги дают».

На заднем сиденье остался оброненный Федосом носок. Водитель выбросил его в окно.

А Федос тем временем уже сидел на крыльце дома Афони, ждал, когда друг проснётся, и нюхал воздух.

— Якши, — сказал он. — Сегодня будет хороший день.

Афоня проснулся не от солнца и не от петухов. Петухи в Нижних Выселках были ребята опытные и понимали: если в доме тишина, значит, там либо покойник, либо похмелье. И в обоих случаях орать себе дороже. Поэтому петухи молчали. Даже коровы мычали шёпотом.

Афоня проснулся от того, что кто-то дышал ему в лицо. Он открыл один глаз. Прямо перед ним, в сантиметре от его носа, висело лицо Федоса. Глаза красные, щетина недельная, изо рта пахло так, будто там похоронили дохлую крысу и забыли закопать.

— Ты как здесь? — прохрипел Афоня, отползая к стенке.

— Долгая история, — сказал Федос. — Водка есть?

Афоня молча протянул полторашку самогона. Федос отхлебнул, занюхал грязным рукавом и начал рассказ.

— Помнишь, я тогда, в городе, сказал, что в туалет схожу перед поездом?

— Помню, — кивнул Афоня. — Ты ещё сказал: «Я быстро».

— Вот-вот. Захожу я, значит, в туалет на вокзале. Платный, между прочим, пятнадцать рублей. Делаю свои дела, мою руки, выхожу — а поезда нет.

— Как нет?

— А вот так. Ушёл. Я за ним бежал, бежал, споткнулся о чемодан какой-то бабки, упал прямо в лужу. Пока вставал, пока матерился — поезд скрылся. И я остался на перроне. Без билета. Без денег. Без всего.

Федос сделал паузу, выпил ещё и закусил селёдкой.

— А дальше что? — Афоня уже сидел с горящими глазами. Такие истории он любил больше, чем телевизор.

— А дальше — Сибирь, — Федос развёл руками. — Я запрыгнул в первый попавшийся поезд. Думал — до следующей станции, а там разберусь. А поезд оказался до Владивостока. И я в нём ехал. Месяц.

— Месяц?! — ахнул Афоня.

— Месяц. Плацкарт, боковушка, соседи — дембеля и бабка с пирожками. Денег нет, еды нет, зато есть голова на плечах. Я начал промышлять.

— Чем?!

— Кражей, — честно признался Федос. — Ну, не то чтобы кражей... Скорее, экспроприацией. У одного пассажира часы увёл. У другого — бумажник. У третьего — целый чемодан с носками. Носки, кстати, хорошие были, потом продал на станции. Ещё шантажом занимался. — Шантажом? — Афоня аж подался вперёд.

— Ну да. В поезде ехал один чиновник. С любовницей. А я случайно услышал их разговор. Ну, не случайно — я специально слушал. Подошёл к нему, говорю: «Дядя, или ты мне платишь за молчание, или твоя жена узнает про Свету из купе № 7». Он заплатил. И билет мне купил до Омска.

Афоня покатился со смеху. Федос, глядя на него, тоже заулыбался.

— А потом я решил вернуться. Думаю: где Афоня? Куда он делся? Помнил только, что ты говорил про деревню какую-то и про дом, который тебе дали как беженца. Я начал искать. Сначала поехал в Мордовию — там, говорят, тоже беженцев селили. Потом в Калужскую область. Потом вообще в Башкирию занесло. А потом какой-то мужик на трассе сказал: «Есть такие Нижние Выселки, там дурачок один живёт, на мотоцикле ездит, людей обманывает». Я сразу понял — это ты.

— И вот я здесь, — закончил Федос, разливая остатки. — Нашёл тебя. Теперь не потеряю.

Афоня хлопнул друга по плечу так, что у того чуть голова не отвалилась.

— Я знал! Я знал, что ты вернёшься! Федос, брат, ты даже не представляешь, как ты вовремя. У меня тут бизнес. Я теперь аграрный магнат. Лизинг, аутсорсинг, промоушен. Ты будешь моим коммерческим директором!

— Коммерческим? — Федос оживился. У него, как у всякого порядочного авантюриста, слово «бизнес» вызывало мгновенный прилив энтузиазма. — А что продаём?

— Всё, — Афоня обвёл рукой горизонт. — Всё, что видишь. И что не видишь — тоже продаём. Но сейчас, — он заговорщически понизил голос, — у меня есть гениальный план.

— Какой?

— Саженцы.

Федос непонимающе уставился на друга.

— Саженцы апельсинов, — пояснил Афоня. — И бананов. Элитные. Из Африки. Дачники с руками оторвут.

— Афоня, — осторожно сказал Федос, — а где ты в Нижних Выселках возьмёшь апельсины? И бананы?

— А вот тут, — Афоня поднял палец вверх, — и заключается гениальность. Мы не берём апельсины. Мы берём то, что растёт в посадке. Молодые побеги берёзы. Клён канадский. Полынь — за экзотическую пряность сойдёт. Главное — правильно подать.

— Маркетинг-Аутсорсинг! — подытожил Афоня. — Ну что, идём штурмовать дачников?

— Идём, — Федос поднялся, одёрнул свой погибший пиджак и вдруг спросил: — А лопата у тебя есть?

— Лопата? — Афоня задумался. — Была. Но, её Егорка скоммуниздил ещё неделю назад. Ничего, руками накопаем. Руки — они не подведут.

Через полчаса два коммерсанта уже стояли на опушке ближайшей посадки. Афоня выдёргивал из земли тощие побеги берёзы, придирчиво осматривал их и связывал бельевой верёвкой. Федос выкапывал полынь, аккуратно присыпая корни землёй, чтобы выглядело «как из питомника». Клён — тощий, кривой, непонятного происхождения — пошёл под видом «саженца банана».

— Смотри, — Афоня поднял пучок полыни, — это у нас будет «африканский лимонник». Цветы — жёлтые, аромат — сильный, устойчив к засухе. Цена — три тысячи за куст.

— А берёза? — спросил Федос.

— Берёза — это «Марокканский апельсин». Вынослив, не требует полива, приносит удачу. Пять тысяч.

— А клён?

— Клён — это «саженец банана». Десять тысяч. Он же зарубежный! За импорт всегда дороже берут.

Федос только покачал головой, но спорить не стал. В конце концов, он сам месяц жил по принципу «бери всё — что плохо лежит». Этот принцип и привёл его обратно к Афоне.

Они двинулись к дачному посёлку. Впереди шёл Афоня — с галстуком на голове, как у вьетнамского партизана, и связкой «Марокканского апельсина» под мышкой. За ним — Федос, сгибающийся под тяжестью «африканского лимонника» и «саженца банана». Со стороны они были похожи на двух огородных божеств, которые решили наказать человечество за грехи.

У первого же дома их встретила дачница в панаме. Она поливала грядки, напевала что-то из репертуара Пузовой и выглядела абсолютно беззащитной перед лицом грядущей коммерции. Афоня подмигнул Федосу и широко улыбнулся.

— Здравствуйте, мадам! — начал он. — Вы только посмотрите, что у нас для вас есть... И дело пошло.

Глава седьмая

Сказ о том, как мадам с большими губами повелась на метро до Бейкер-стрит, а Афоня продал ей воздух под видом ландшафтного дизайна.

Мотоцикл «Урал» вылетел из-за поворота, поднимая клубы пыли. В коляске громыхали саженцы — берёзовые прутья, ветки клёна и куст полыни, который уже засох, но Афоня назы-

вал это «транспортировочным стрессом». Федос сидел сзади, вцепившись в сиденье, и старался не выпасть на кочках.

И тут на дороге появилась ОНА.

Та самая Мадам. С большими губами. В сомбреро. В платье в цветочек. Она выгуливала вчерашнее приобретение — «британского гамаюна-мальтипу», который, судя по виду, уже успел обоссать все углы её дачи и сейчас смотрел на Афоню с ненавистью профессионального обманщика.

— Ах! — воскликнула Мадам, узнав Афоню. — Это опять вы! Что на этот раз? Коза? Лошадь? Или может быть, корова? Буйвол? Страус?

Афоня лихо затормозил, подняв столб пыли. Федос чуть не вылетел через руль, но удержался, сделав вид, что так и надо — он глухонемой, ему всё равно.

— Да что вы, мадам! — Афоня спрыгнул с мотоцикла и расправил плечи. — Мы не торгуем скотом. Мы — ландшафтные дизайнеры. Элитные. С господдержкой. Предлагаем вам засадить весь ваш участок апельсинами и бананами. Экзотика. Морозоустойчивая. Специальный сорт для северных широт. Через год будете сами торговать на рынке.

Мадам вытаращила глаза. Её губы, и без того огромные, стали похожи на спасательный круг.

— Я в деньгах не нуждаюсь, — сказала она, задирая нос. — И зачем мне бананы? У меня всё есть.

— Но у вас нет своих бананов, — парировал Афоня, не моргнув глазом. — Мадам, мы за вас переживаем. Ключевая ставка растёт, фьючерсы падают, аутсорсинг в транзакции, дедлайн горит. Нам нужно поднимать сельское хозяйство. И мы не для себя стараемся — для вас же! Вот вы приедете в следующем году на дачу, а тут — город-сад! Апельсины прямо с ветки рвите, бананы под ногами валяются. А ещё мы метро до Москвы пустим. Двадцать минут — и вы на Бейкер-стрит.

— На Бейкер-стрит? — Мадам оживилась. — А что, в Москве есть такая станция?

Афоня сделал вид, что обиделся:

— А как же? Шерлока Холмса читали? Вот в честь него и назвали. Станция «Бейкер-стрит». Самая новая. Открыли на прошлой неделе. Вход через Тверскую, нужно просто заплатить пятьсот рублей за проезд и показать паспорт.

Мадам задумалась. Её губы зашевелились, как будто она уже покупала билет.

— Сколько вы хотите за саженцы? — спросила она.

— Оптом отдадим за сто пятьдесят тысяч, — сказал Афоня, глядя прямо в глаза. — Если с посадкой — двести. Мы берём на себя всю работу. Прикопаем, утрамбуем, польём Ретроградой водой в пятом доме. Гарантия — один год. Если не взойдут — приедем ещё раз. Бесплатно. По лизингу. — Ну... — Мадам колебалась.

— И метро, — добавил Афоня. — Через год вы будете в ЦУМе, почти мгновенно отовариваться, как в нашем сельпо. А тут, на участке, у вас будут свои бананы.

Мадам сдалась. Она подхватила Гамаюна под мышку и, не говоря ни слова, потопала в дом за деньгами.

Федос, который всё это время стоял с каменным лицом и кивал (он играл роль глухонемого помощника, который просто радуется жизни), наконец перевёл дух.

— Ты про метро... Это же бред, — прошептал он. — Она что, поверила?

— Она поверила в Гамаюна, — ответил Афоня, не оборачиваясь. — Значит, поверит и в метро. Главное — нести уверенность.

Из дома вышла Мадам с пачкой денег. Пересчитала, отдала Афоне.

— Двести тысяч. Здесь всё. Но смотрите мне. Если бананов не будет — я в полицию заявлю.

— Мадам, клянусь Уралмашем, — Афоня приложил руку к сердцу. — Бананы будут. И апельсины. И мандарины. И даже хурма, если хорошо поливать будете, но только Лунной водой. А через год — метро.

Он сунул деньги в карман, поклонился и сел на мотоцикл.

Федос уже сидел в коляске, придерживая саженцы.

— Поехали, — сказал Афоня. — Нам ещё берёзы копать.

Мотоцикл взревел, и они умчались в облаке пыли.

Мадам осталась стоять у калитки, прижимая к груди Гамаюна, который уже планировал сбежать.

— Бейкер-стрит, — прошептала она. — Надо же.

Глава восьмая

Сказ о том, как Афоня не хотел махать лопатой и нанял Егорку, который даже не знал, что его наняли.

Копать огород Афоне не хотелось. Вообще. Никогда. Он лучше бы биткоины майнил голыми руками, чем брать в руки лопату. Поэтому он решил подрядить Егорку.

Егорка ошивался либо у автолавки, выклянчивая у тётки продавщицы на опохмел, либо спал в сарае у бабы Шуры. Домой он не ходил принципиально — там было холодно, темно, за свет он не платил, а воровать электричество у государства боялся. Да и ума не хватало подсоединиться к чужому счётчику.

Афоня заглянул в сарай. Егорка лежал на куче тряпья, уже набравшийся с утра, и спал, похрапывая. Одна нога в кирзаче, другая босая. Изо рта текла слюна. Пахло так, будто здесь скотомогильник.

Объяснять что-либо Егорке Афоня не стал. Просто подхватил его под мышки, дотащил до мотоцикла и погрузил в коляску. Егорка даже не проснулся — только перевернулся на другой бок и захрапел громче.

Афоня погрузил туда же саженцы — берёзовые прутья, ветки клёна и куст полыни, который уже успел засохнуть окончательно.

— Поехали, — сказал он Федосу.

— Он что, работать будет? — спросил Федос, глядя на Егорку, который уже начал пускать пузыри из носа.

— Он будет спать. А считаться будет, что работает. Фермерский труд. Теневой. В конвертах, — Афоня завёл мотор.

Участок мадам был уже размечен под посадки. Мадам стояла у калитки в своём сомбреро, с гамаюном на руках, и ждала чуда.

Афоня подъехал, заглушил мотор, вылез. Открыл коляску.

— Вот, — сказал он, выгружая Егорку прямо на землю. — Лучший специалист. Ландшафтный дизайнер. Разряд — космос. У него тепловой удар. Он сейчас у вас тут отлежится, очухается, и сразу приступит. И саженцы перекопает, и газон разровняет, и духами всё опрыскает.

Мадам посмотрела на Егорку. Егорка лежал лицом в пыли, икал и перебирал пальцами ног, как будто играл на невидимой гармошке.

— Он живой? — спросила Мадам.

— Живее всех живых, — заверил Афоня. — Просто перегрелся. Вы ему водички дайте. Через час будет как огурчик.

— А саженцы когда сажать?

— А саженцы он посадит. Всё по плану. Вы не волнуйтесь, мадам. Мы люди ответственные. За нами Уралмаш, лизинг, аутсорсинг. И биткоины.

Мадам колебалась. Но Егорка вдруг вздохнул, перевернулся на спину и заговорил во сне:

— Я на момент...На момент я...

— Видите? — сказал Афоня. — Даже во сне о работе думает. Золотой человек. Он сел на мотоцикл, махнул рукой и уехал.

Мадам осталась одна. На участке — саженцы, в пыли — Егорка, на руках — гамаюн.

— Выпью, наверное, — сказала она сама себе и пошла в дом.

Гамаюн спрыгнул с рук, подошёл к Егорке, понюхал его и отошёл подальше — не рискнул.

А где-то вдалеке раздавалось:

— Якши!

Глава девятая

Сказ о том, как Федос стал экстрасенсом в пятом поколении, а продавщица поняла, что карма — это не только биткоины.

Торговля саженцами шла бойко. Афоня с Федосом перекопали пол посадки, выволокли все сухие прутья, берёзовые ветки и кусты полыни, которые только можно было найти в радиусе трёх километров. Дачникам раздали, разложили, впарили. Саженцев оказалось так много, что из них можно было сплести один большой плетёный забор — на зависть всему СНТ.

К вечеру выручка была приличной. Деньги лежали в кармане у Федоса. Потому что Федос, в отличие от Афони, умел считать хотя бы до ста и знал, что пятьдесят плюс пятьдесят — это не тридцать, даже если очень хочется. Афоня этому факту не препятствовал. «Пусть будет кассиром, — подумал он. — Меньше возни». А сам уже строил планы, как пропьёт эти деньги в ближайшую неделю.

— Надо отовариться, — сказал Федос, похлопывая по карману, где приятно звенела мелочь и шуршали купюры.

— Согласен, — кивнул Афоня. — Водка, сигареты, селедка. И макароны. Макароны — это стратегический запас.

Они подкатили к автолавке. Тётя Продавщица уже стояла у прилавка, наострив уши. Она нюхом чуяла крупную покупку. Увидев Афонию с Федосом, она расплылась в улыбке, от которой у Гамаюна, проданного вчера, началась бы рвота.

— Здравствуйте, дорогие! — зашебетала она. — Что сегодня берём? Рыбку? Колбаску? Может, икорку чёрную? У меня как раз есть новая партия, с собственного склада.

— С собственного склада? — переспросил Афоня с подозрением.

— Ну, с того, который я арендую, — не моргнув глазом, ответила тётя продавщица. — Всё по-честному.

Федос молча выложил на прилавок пачку денег. Тётя Продавщица потянулась к ним, но Федос ловко прикрыл купюры ладонью.

— Не торопитесь, — сказал он. — Сначала поговорим.

— О чём? — тётя Продавщица напряглась.

— О вас, — Федос посмотрел на неё в упор. Глаза у него были красные, безумные, с лёгким косоглазием. Он смотрел так, будто видел продавщицу насквозь. И не только её, но и её тайные запасы просроченной тушёнки.

— Я экстрасенс, — сказал он.

— Что? — тётя Продавщица опешила.

— Экстрасенс в пятом поколении. Моя бабка шёпотом лечила, мать по фотографиям судьбу предсказывала. А я вижу людей насквозь. И вас вижу. Вы должны мне деньги.

— Как это должны? — тётя Продавщица побледнела. — Я вам ничего не должна.

— А вот Уголовный кодекс говорит иначе, — Федос достал из кармана мятый листок, на котором было написано что-то от руки. Похоже, он вырвал его из старой тетради. — Статья такая-то, пункт такой-то. За укрывательство доходов, за обман потребителей, за продажу пряников под видом кондитерских изделий — срок до пяти лет. Плюс штраф. Плюс конфискация. Я всё вижу. У вас там, на складе, целых три ящика просроченной кильки. И одна банка с икрой, которую вы собирались выдать за свежую, но она вздулась.

Тётя Продавщица схватилась за сердце.

— Откуда вы знаете про кильку?

— Я же сказал — экстрасенс, — Федос даже не моргнул. — И ещё я вижу, что вы хотите нам продать водку по завышенной цене. Но вы не продадите. Вы дадите нам водку по себестоимости. Сигареты — по оптовой цене. Селёдку — в подарок. И вот этот коньяк, — он ткнул пальцем в бутылку, которая стояла на витрине с надписью «Особый гостям», — вы добавите как бонус за то, что я не звоню участковому.

— Какой коньяк? Это же дорогой! — заверещала тётя Продавщица.

— Это ваш кармический долг, — отрезал Федос. — Не отдадите сейчас — отдадите потом. Здоровьем. Или рассрочкой.

Афоня, который до этого молча стоял в стороне и восхищённо слушал, решил поддержать напарника.

— Он прав, — сказал он. — Федос у нас с юмором, но с совестью строго. Я сам видел, как он одного участкового сглазил. Тот до сих пор заикается.

Тётя Продавщица вздохнула. Она была женщиной хитрой, но против экстрасенса с уголовным кодексом она была бессильна.

— Ладно, — сказала она. — Забирайте. Водку — по себестоимости, сигареты — оптом, селёдку — в нагрузку. А коньяк... коньяк — как миллионному покупателю.

Она упаковала товар. Афоня погрузил его в коляску. Федос отсчитал деньги — ровно столько, сколько нужно, ни копейкой больше.

— Сдачи не надо, — сказал он.

— Спасибо и на том, — прошептала тётя Продавщица, провожая их взглядом, полным ненависти и презрения.

Они сели в мотоцикл и уехали.

— Экстрасенс, — сказал Афоня, когда они отъехали подальше. — Ты где так научился?

— У цыган, — ответил Федос. — Там такие методы общения с людьми — быстро учат. Правда я от них в одних трусах ушёл и ещё немного должен остался.

— А кильку ты откуда узнал? Он же не заходил к ней на склад?

— Я её запах учуял. Когда открывал дверь. Там три ящика точно. И один из них уже протёк.

Афоня рассмеялся.

— Молодец, Федос. Теперь у нас есть коньяк.

— И селёдка, — добавил Федос. — И сигареты. И водка. И макароны. А главное — у нас есть стратегия.

— Какая?

— Завтра будем продавать саженцы не как африканские, а как лечебные. От всех болезней. Скажем, что они вылечивают радикулит, простатит и детский энурез.

— А если спросят, почему не помогают?

— Скажем, что пить надо было не водку, а отвар из листьев. А листья они выбросили.

Афоня хлопнул себя по колену.

— Якши! — сказал он. — Бизнес — это искусство говорить нет своим сомнениям.

Они выехали на просёлочную дорогу. Впереди был закат. Сзади — коляска, набитая просроченным товаром. Мотоцикл взревел, и они растворились в пыли.

Глава десятая

Сказ о том, как Егорка погрелся на африканских апельсинах, а участковый объяснил мадам, что вызвать санитаров дороже, чем купить новый гамаюн.

Ночью Егорка очухался. Замёрз. Вокруг него лежали вороха хвороста — марокканские апельсины, саженцы бананов, засохшие кусты полыни. Егорка, недолго думая, спалил всё это

добро. Костёр получился знатный — пламя поднималось выше забора, искры летели на соседние участки, где спали такие же доверчивые дачники, купившие у Афони берёзовые прутья.

— Тепло, — сказал Егорка, протягивая руки к огню. — Я на момент.

Потом он заметил велосипед. Дорогой, горный, с наворотами, который мадам купила мужу на юбилей, но муж ещё не приехал. Егорка прихватил велосипед и, не прощаясь, укатил в сторону леса. Утром мадам вышла на крыльцо и обомлела. На месте, где вчера был её будущий райский сад, чернело пепелище. От саженцев остались только обгоревшие прутья, как пальцы мертвеца.

— Караул! — завопила она. — Обманули! Ограбили! Сожгли!

Она вызвала ментов. Пришёл участковый. Один. Без подкрепления, без формы, в трениках и кирзовых сапогах. Фуражка была, но он её снял — жарко.

— Что случилось, гражданочка? — спросил он, почёсывая пузо.

— Меня нагло обманули на двести тысяч! — зарыдала мадам, размазывая тушь. — Приехал какой-то хмырь, привёз саженцы бананов, сказал, что метро до Бейкер-стрит построит! Я поверила! А потом его подельник Егорка всё это сжёт, как улики! И велосипед украл! Дорогой!

Участковый услышал имя «Егорка» и посерел лицом. Он заморгал, почесал затылок и начал причитать:

— Вам очень сильно повезло, гражданочка. Очень сильно. Что он только саженцы спалил. Он мог и хату вашу спалить. Он вообще всё сжигает с размахом. Про Погореловку слышали?

— Нет, — всхлипнула мадам.

— А зря. Это его рук дело. Там камня на камне не осталось. Сгорело двадцать домов, сельсовет, магазин и школа. И всё за то, что Никодимыч не дал ему закурить. Никодимыч теперь в психушке сидит, а Егорка гуляет.

Мадам схватилась за сердце. Её губы задрожали. Гамаюн, сидевший на крыльце, покакал и ушёл в кусты.

— Что же делать? — прошептала она. — Неужели на него нет никакой управы?

Участковый вздохнул и развёл руками.

— Он же психически больной. У него и справка есть. Всё по закону. Управа на него есть — вызвать санитаров. Они приедут, сделают ему укол. Но за всё придётся платить вам. У нас так: кто вызвал, тот и платит. А это, между прочим, не три копейки. И потом, он после укола три дня побродит по деревне как зомби, а потом очухается и опять за своё возьмётся. Может, даже мстить начнёт, если вспомнит.

Мадам схватилась за сердце.

— Я не хочу, чтобы он мне мстил.

— Вот и я о том же. Мой вам совет, гражданочка — забудьте всё как страшный сон. Саженцы новые купите. У того же хмыря.

Мадам открыла рот, хотела что-то сказать, но не нашла слов. Она закрыла дверь перед носом участкового, села на пол и заплакала.

Гамаюн заглянул в окно, посмотрел на неё, зевнул и ушёл досыпать в сарай.

Участковый тоже ушёл. По дороге он закурил, подумал: «Надо же, а бабка-то богатая. Двести тысяч выкинула на ветер. И велосипед жалко. На таком велосипеде и сам бы прокатился».

Глава одиннадцатая

Сказ о том, как грянул гром среди ясного неба, или Два сапога — пара, а три — уже табор.

Утро было как утро. Такое же похмельное, вонючее и безнадёжное. Солнце пыталось пробиться сквозь закопчённые окна, но сдалось и ушло в другую сторону. Афоня спал на своей панцирной кровати, раскинувшись так, будто его сбросили с парашютом без инструк-

ции. Федос, как заправский бродяга, натаскал сена, набросал его в углу и спал на этой куче, свернувшись калачиком и похрапывая так, что половицы дрожали.

И тут — снова грохот. На этот раз такой, будто кто-то с разбегу врезался в дверь головой, потом всем телом, потом ещё раз, для убедительности.

Афоня подскочил. Федос вылетел из сена, как чёрт из табакерки, и сразу схватился за голову — болела.

— Кто там? — прохрипел Афоня, на шаривая ботинок для самообороны.

Дверь распахнулась. На пороге стояли двое. Грязные, мокрые, лохматые. Один — старый, сморщенный, с шапкой набекрень и с шишкой на лбу, как у носорога. Второй — молодой, крепкий, с лицом, на котором было написано «я здесь случайно». СУГРОБ и ЯШКА.

Афоня выронил ботинок.

— О, какие люди! — сказал он, даже не пытаясь скрыть удивление. — Вы как нас нашли?

Сугроб шагнул вперёд, раскинул руки, будто собирался обнять весь мир, но передумал и просто заговорил. Горячо, быстро, жестикулируя так, что ветер свистел.

— Якши! Ту-дым-сю-дым! — выдал он.

Женский голос тут же перевёл:

— Да уж, пришлось повозиться.

Яшка поддакнул, кивая с такой частотой, что его шапка-петушок съехала на глаза:

— Якши! Якши!

Перевод:

— Я полностью согласен с предыдущим оратором.

Афоня, удивлённо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.